

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

В. Е. ГУСЕВ

ПРОБЛЕМЫ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ В РУССКИХ ЖУРНАЛАХ 50—60-х ГОДОВ XIX ВЕКА

История русской науки о народной поэзии не может быть правильно понята вне связи с историей революционного движения в России. Только опираясь на ленинское учение о двух национальных культурах в каждой национальной культуре, только исходя из ленинской теории о трех этапах революционной борьбы в России, можно будет построить марксистскую историографию фольклористики, которая предстанет как история борьбы передового, революционного направления против различных направлений и «школ» дворянской и буржуазной фольклористики на каждом из этапов революционного движения.

Особый интерес для советских фольклористов представляет наследие революционных демократов, возглавивших передовой отряд русской науки на втором этапе русского революционного движения. Заслугой советских ученых является восстановление действительной роли великих русских критиков в истории отечественной и мировой фольклористики. Начиная с середины 1930-х годов появилось немало работ, исследующих воззрения на народную поэзию отдельных представителей революционной демократии¹. Однако до сих пор нет еще ни одной печатной работы, в которой воззрения всех революционных демократов были бы обобщены и раскрыты как единая, целостная научная концепция и в которой была бы прослежена борьба единого революционно-демократического фронта против буржуазной фольклористики. Первым и, на наш взгляд, удачным шагом в этом направлении является работа И. М. Колесниченко «Проблемы этнографии и народного творчества в «Современнике» 1850—1860 гг.»². Но, исследуя только материалы «Современника» и не ставя, очевидно, задачи охватить даже все его материалы по народной поэзии, автор не имел возможности сделать больших обобщений о сущности революционно-демократической фольклористики 50—60-х годов в целом и противопоставить ее реакционной и либеральной русской фольклористике.

¹ А. Скафтымов, Добролюбов и фольклор, «Литературный критик», 1936, № 2; его же, Белинский и народное творчество, «Литературный критик», 1936, № 7; М. Азадовский, Добролюбов и русская фольклористика, «Советский фольклор», 1936, № 4—5; его же, Белинский и народная поэзия, «Литературное наследство», № 55, т. I; его же, Чернышевский в истории русской фольклористики, Ученые записки ЛГУ, т. 81, вып. 12, 1941; его же, Русские просветители 40-х гг. и народная поэзия, «Известия Отделения языка и лит-ры АН СССР», т. IX, вып. 6, 1950; Я. Лебедев, Салтыков-Щедрин о народном творчестве и народности литературы, «Литературный Ростов», 1939, № 5; Г. Виноградов, Этнография в кругу научных интересов Чернышевского, «Советская этнография», 1940, № 3; Б. Богомолов, Белинский о народном творчестве, сб. «Наследие Белинского», 1952 и др.

² «Доклады и сообщения филологического института ЛГУ», вып. 3, 1951.

В настоящей работе делается попытка рассмотреть борьбу основных направлений в русской фольклористике 50—60-х годов на самом боевом участке борьбы — в русской журналистике той эпохи. Особенность этого участка борьбы состоит в том, что споры здесь велись не при закрытых дверях, не в узком академическом кругу специалистов, а всенародно. Итоги этой публичной дискуссии подводили не ученые авторитеты (журналы) науки, а сама передовая русская общественность. Трудно поэтому переоценить значение выступлений русских журналов 50—60-х годов для судеб русской фольклористики и для формирования общественного сознания той эпохи. Ставя проблему борьбы по вопросам народной поэзии в русской журналистике 50—60-х годов XIX в., мы ограничиваем себя материалами четырех журналов, представлявших основные направления в русском обществе: «Современника» — главного органа революционной демократии, «Отечественных записок» — главного органа либералов, «Москвитянина» — органа партии официальной народности и славянофилов, «Русской беседы» — основного органа славянофилов. Сопоставление выступлений этих журналов даст возможность выяснить в общих чертах принципиальные проблемы русской фольклористики 50—60-х годов и решение этих проблем основными, борющимися между собой направлениями русской общественной мысли³.

Даже при самом беглом знакомстве с журналами 50—60-х годов XIX в. бросается в глаза обилие этнографических и фольклорных материалов, обилие статей по вопросам народной поэзии. Особенно заметно увеличение числа таких статей в годы революционной ситуации и проведения реформы. Так, в «Современнике» за 1860 г. статьи, посвященные народной поэзии и проблемам ее изучения, опубликованы в 5 номерах; за 1861 г. — в 6 номерах; в «Отечественных записках» за 1860 г. — в 6 номерах, за 1861 г. — в 6 номерах. Такой интерес к народной поэзии в эпоху подъема общественного движения в России после Крымской войны особенно в период революционной ситуации не случаен.

В центре внимания всей русской общественности в эти годы, как известно, стоял вопрос о крепостном праве, о путях развития России, о положении народа и его роли в исторических судьбах родины. В страстных спорах, возникших между журналами в 50—60-х годах и являвшихся отражением и выражением классовой борьбы в России, мобилируются философия, социология и история, естественные науки, литература. Особое значение борющиеся партии придавали данным этнографической науки, в частности народной поэзии, которые привлекались и в качестве обоснования их общественно-политических программ. «Современник» писал по этому поводу: «Наша литература только и говорит, что об изучении народа, наполняется множеством этнографических описаний, очерков, рассказов и т. п.»⁴. «Отечественные записки» в программных объявлениях о направлении журнала отмечали важность данных этнографической науки для доказательства своих политических теорий⁵. Органы славянофилов также неоднократно подчеркивали, что свои убеждения они строят на основании изучения народного быта и народной поэзии. Так, например, этот взгляд развивался Хомяковым в предисловии к публикации песен И. Киреевского в «Московском сборнике» за 1852 г.

Но, придавая большое значение этнографии и народной поэзии в решении важнейших общественных проблем, борющиеся партии по-разному понимали сущность и назначение этнографии, по-разному истолковывали ее данные. Если революционные демократы предъявляли этнографии подлинно научные требования и использовали ее данные для всесторон-

³ В дальнейшем, для уточнения картины во всех ее подробностях, потребуются привлечение «Колокола» и «Русского слова», «Библиотеки для чтения» и «Русского вестника», «Времени» и «Эпохи».

⁴ «Современник», 1865, № 2, Совр. обозрение, стр. 173.

⁵ «Отечественные записки», 1860, № 11, стр. 6.

ней, глубокой характеристики народа, его истории, быта и мировоззрения, основывая на этнографическом материале свое революционное понимание действительности и свою борьбу за подлинное освобождение народных масс, то совершенно по-иному, в конечном счете в интересах господствующих классов, с идеалистических, антинаучных позиций подходили к этнографии и народной поэзии идеологи «официальной народности», славянофилы и либералы-западники.

«Современник» метко охарактеризовал позицию представителей официальной народности как «затхлую благонамеренность» и подчеркивал принципиальное сходство и одинаковый реакционный смысл подхода к народной жизни и народной поэзии как теоретиков партии официальной народности, так и славянофилов⁶.

Действительно, идеологи официальной народности и славянофилы, при всех различиях субъективных целей и отдельных положений, в сущности одинаково стремились использовать этнографию и народную поэзию для увековечения самодержавно-крепостнического строя, для реакционной идеализации феодальных порядков, для обоснования своих ложных представлений о русском народе как носителе таких исконных «добродетелей» как религиозность, смирение, преданность престолу.

Уже в названной статье в «Московском сборнике» Хомяков, ссылаясь на русские народные песни, доказывал живучесть в русском народе древних исконных начал, утверждал, будто народная поэзия, которая хранит старые «органические законы», свидетельствует о приверженности русского народа к допетровской старине. В запрещенном втором выпуске «Московского сборника» за 1852 г. имелась статья К. Аксакова «Богатыри времен великого князя Владимира», где автор воспользовался героическим эпосом для идеализации ранних феодальных порядков, имея, правда, в виду и определенную политическую цель — это была критика современного самодержавия, но критика с реакционно-утопических позиций⁷. На страницах славянофильского органа «Русская беседа» была опубликована рецензия Т. И. Филиппова на пьесу А. Н. Островского «Не так живи как хочется», где автор пытался оправдать домостроевские порядки и семейный деспотизм в русской жизни ссылками на русские народные песни, в которых якобы эти порядки освящаются народом и в качестве спасения от страданий проповедуется терпение. Одной песни о замученной мужем женщине, где брат ее обращается к ней: «Потерпи, сестрица, потерпи, родная», было достаточно Т. И. Филиппову, чтобы делать такие произвольные и по существу клеветнические обобщения о русском народном характере⁸. Недаром это вызвало резкую отповедь со стороны Чернышевского и Щедрина⁹. Охотно использовалась народная поэзия славянофилами и для доказательства мысли, будто «народность русская неразрывно соединена с православною верою». В особую заслугу собирателю народных песен, И. Киреевскому ставилось то, что он издал духовные стихи, которые в представлении славянофилов были ярким свидетельством религиозности русского народа¹⁰.

Наиболее полное и последовательное выражение славянофильских взглядов на народную поэзию находим в статье А. Григорьева «Русские народные песни». Сам А. Григорьев впоследствии отмечал, что «статья была выводом из воззрений и жизни целого кружка»¹¹. А. Григорьев дает

⁶ См. «Современник», 1865, № 2, стр. 176.

⁷ См.; Н. П. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XII, 1899, стр. 11—151.

⁸ См. «Русская беседа», 1856, № 1.

⁹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. III, стр. 653. М. Е. Щедрин, Полное собрание сочинений, т. V, ГИХЛ, 1937—1941, стр. 24—25.

¹⁰ См., например, «Москвитянин», 1854, т. 8, кн. I, отд. IV, стр. 94.

¹¹ А. Григорьев, О русских народных песнях, «Отечественные записки», 1860, № 4, стр. 446.

оценку различным сборникам народных песен (Чулкова, Новиков Сахарова, Стаховича, Прача, Кашина, Трутовского и др.) и общую характеристику русской народной поэзии, подробно останавливается на типе певцов, на исполнительском искусстве, высказывает свои соображения принципах, которыми должны руководствоваться собиратели народной поэзии. Основная идея статьи сводится к утверждению, что русская народная поэзия бессознательна, «органична», неизменна в своей сущности. Народная поэзия, доказывает А. Григорьев, выражает «коренной великий русский взгляд», т. е. искони существующее и якобы остающееся в основе своей неизменным религиозное мировоззрение русского народа¹³. В изменениях в народной поэзии, по убеждению А. Григорьева, сводятся порче ее под влиянием «фабричной цивилизации»¹⁴. Задача собирателя народной поэзии заключается в том, чтобы среди различных вариантов найти «коренной тип» произведения, т. е. самый архаический вариант наиболее полно выражающий «старые» или «коренные» взгляды народа. При этом А. Григорьев допускал возможность компиляции различных вариантов с целью реконструкции «коренного типа». Этим антинаучным принципом он оправдывал фальсификацию народной поэзии для доказательства предвзятых представлений о русском народе. Статья, полемическая по своей сути, направлена была против революционных демократов, которым в заключение А. Григорьев демагогически приписывает недостоинство народной поэзии, равнодушие и даже нелюбовь к ней.

Таким образом, выступления славянофилов по вопросам народной поэзии носили откровенно выраженный реакционный характер и преследовали вполне определенную цель — они служили средством в их борьбе против революционной демократии, должны были воспрепятствовать прогрессивному развитию русского общества и распространению в обществе прогрессивных идей и правильных представлений о народе.

Главный орган русских либералов-западников «Отечественные записки» проявил к народной поэзии едва ли не больший интерес, чем даже славянофильские органы. При этом позиция журнала претерпела определенную эволюцию: если в начале 50-х годов «Отечественные записки» стараясь сохранить репутацию передового журнала, выступали против мифологов и славянофилов (ниже будет показана ограниченность и непоследовательность этой критики и эклектический характер научного отдела журнала), если в 1853—1854 гг. в журнале помещались даже статьи Чернышевского (в том числе его рецензия на «Песни разных народов» Берга), то во второй половине 50-х годов в связи с нарастанием революционных настроений в русском обществе «Отечественные записки» становятся самым беспринципным журналом в России, что вынуждена была признать даже сама редакция: «Журнал наш в последние четыре года, — писал А. Краевский в 1860 г., — не имел, может быть, той определенности, которая так нравится многим...»¹⁵. В период революционной ситуации и наиболее острого проявления классовой борьбы журнал открыто порывает с демократией, сбрасывает маску народолюбия, откровенно примыкает к реакционному лагерю и яростно выступает против «Современника». С 1862 г. и до перехода в 1868 г. журнала в руки революционных демократов «Отечественные записки», окончательно разоблаченные к этому времени «Современником», вынуждены отказаться от демагогического использования народной поэзии. Статьи и материалы по народной поэзии почти совершенно исчезают со страниц журнала¹⁶.

¹² См. А. Григорьев, Русские народные песни, «Москвитянин», т. 8, кн. I, 1854, стр. 110. В понятие «органичности» А. Григорьев вкладывал идеалистический смысл — оно означало «стихийный отзвук» извечных «жизненных сил» народа.

¹³ Там же, стр. 107—110.

¹⁴ Там же, стр. 103.

¹⁵ «Отечественные записки», 1860, № 12, стр. 5.

¹⁶ Если только за один 1860 г. в «Отечественных записках» было напечатано

Позорная эволюция во взглядах «Отечественных записок» на народную поэзию может быть особенно ярко обнаружена на следующем примере. В 1854 г. «Отечественные записки» поместили ответ на статью А. Григорьева «Русские народные песни». Хотя критик «Отечественных записок» и называет статью «лучшим произведением» А. Григорьева и многое считает в ней верным, однако рецензия подвергает сомнению основные положения статьи Григорьева — его идеи неизменности народной поэзии и выражения в народной поэзии «коренного великорусского взгляда». «Как все живущее переменяется, так и песня живет с народом», — справедливо утверждает автор ответа¹⁷. Он не разделяет симпатий А. Григорьева к древнейшим вариантам песни и считает, что «с течением времени... варианты делаются чище и лучше, нежели первые»¹⁸. Автор ответа решительно возражает против требования А. Григорьева искать «первообраз» или «коренной тип» песни, ратует за соби́рание возможно большего количества вариантов произведений народной поэзии. Таким образом, хотя и с оговорками, хотя и недостаточно решительно и принципиально, но все же автор рецензии критикует реакционную направленность статьи А. Григорьева. Но вот проходит шесть лет, и на страницах «Отечественных записок» (1860, № 4 и 5) перепечатывается та же статья А. Григорьева. Может быть, А. Григорьев изменил основные положения своей статьи и приспособил ее к требованиям журнала, недавно критиковавшего его? Ничуть не бывало. Сам А. Григорьев признается: «К основным положениям моим я прибавил в сущности немного нового»¹⁹. Еще меньше А. Григорьев убавил — он снял лишь полемический выпад против «петербургских журналов» 40-х — начала 50-х годов, т. е. в том числе и «Отечественных записок», но это объясняется отнюдь не соображениями журналистской этики, а теми изменениями, которые произошли за шесть лет в позиции «Отечественных записок» и которые дали повод Григорьеву писать с нескрываемым торжеством о победе «идеи народности»²⁰. Рисуя идиллическую картину примирения «враждующих направлений», А. Григорьев имел в виду лишь славянофилов и либералов-западников, прекрасно зная, что они объединились как раз для борьбы с общим врагом — революционной демократией. Один уже факт опубликования статьи А. Григорьева на страницах «Отечественных записок» и выразительные комментарии самого А. Григорьева к своей статье красноречиво свидетельствовали о полной солидарности русских либералов с реакционными славянофилами 50—60-х годов, о бесповоротном разрыве русских либералов с демократией, об окончательном предательстве ими народных интересов.

Однако, говоря об эволюции «Отечественных записок» в вопросах народной поэзии, следует подчеркнуть, что эта эволюция была эволюцией либерализма, что с самого начала, заигрывая с демократией и публикуя, например, статьи Чернышевского, «Отечественные записки» одновременно охотно пропагандировали идеи, близкие к идеям славянофилов, с самого начала являлись трибуной русских мифологов. Приверженность «Отечественных записок» к мифологическим изысканиям и псевдонаучный, крохоборческий, оторванный от жизни характер статей, публикуемых на страницах либерального журнала, высмеял Некрасов. Еще в 1851 г. в седьмом номере «Современника» Некрасов опубликовал «Беседу журналиста с подписчиком», в которой от имени читателя заявлял:

7 статей и рецензий по вопросам народной поэзии и специальным приложением к нескольким номерам большое собрание песен П. И. Якушкина, то за 1862—1866 гг. опубликовано всего лишь 4 рецензии.

¹⁷ «Отечественные записки», 1854, № 10, отд. IV, стр. 124.

¹⁸ Там же.

¹⁹ А. Григорьев, О русских народных песнях, «Отечественные записки», 1860, № 4, стр. 447.

²⁰ Там же, стр. 446.

«Науки»

Так пишутся у вас, что просто вон из рук...

Притом, какие вы трактуете предметы?

«Проказы домовых, пословицы, приметы,

О роли петуха в языческом быту,

Значенье кочерги, история ухвата»...

Нет, батюшка, таких статеек нам не надо²¹.

Открываем шестой номер «Отечественных записок» за тот же 1851 и сразу обнаруживаем удивительный эклектизм в научном отделе. В номере опубликована рецензия К. Кавелина на статью Афанасьева «О ведуне и ведьме», где рецензент справедливо критикует известного русского мифолога и высказывает категорическое несогласие с основными принципами его научной методологии²². Можно подумать, что журнал разделяет мнение рецензента. Однако в том же номере редакция публикует большую работу Афанасьева «Религиозно-языческое значение избы славянина», где автор подробно развивает свои излюбленные положения, раскритикованные в рецензии. Отдав необходимую дань читателям, мнение которых огорчил Некрасов, «Отечественные записки» затем со спокойной совестью продолжают публиковать работы мифологов. С позиций мифологической школы народная поэзия исследуется в работах Ф. Буслаева²³, А. Н. Пыпина²⁴ и других сотрудников «Отечественных записок»²⁵. На страницах журнала неизменно очень высоко оцениваются работы братьев Grimm, из русских ученых — работы Афанасьева (рецензия К. Кавелина — единственное критическое выступление за все время) и особенно работ Ф. Буслаева. Уже из этих фактов можно сделать вывод, что «Отечественные записки» являлись оплотом либерально-буржуазной фольклористики на протяжении всей эпохи 50—60-х годов.

Остановимся на некоторых статьях «Отечественных записок», в которых особенно полно развиваются положения мифологической теории.

Ф. Буслаев в работе «Эпическая поэзия» (1851) ставит проблему происхождения народной поэзии и приходит к выводу, что все жанры народной поэзии — сказки, сказания, песни, загадки, пословицы и поговорки, а также обряды — возникли в «эпический период» из мифа²⁶. Создателем народной поэзии является весь народ, который представляется Буслаеву сплошной безличной массой²⁷. Самый процесс создания произведений народной поэзии был, по мысли Буслаева, бессознательным²⁸. Такое абстрактно-идеалистическое понимание процесса создания народного творчества очень характерно для буржуазной науки. Буслаев подобно славянофилам, рассматривает народную поэзию как неизменяющееся искусство, как отражение далекой старины: «Как и содержанием так и по форме всякая народная поэзия, по мере развития жизни самого народа, разрасталась, в сущности оставаясь неизменною»²⁹. Признание

²¹ Н. А. Некрасов, Беседа журналиста с подписчиком, «Современник», 1851, № 7, отдел «Смесь», стр. 13—14.

²² К. Кавелин, О ведуне и ведьме, по поводу статьи г. Афанасьева в альманахе «Комета», «Отечественные записки», 1851, № 6, стр. 56—59, 64.

²³ Ф. Буслаев, Эпическая поэзия, «Отечественные записки», 1851, № 7, 8; Славянские сказки, «Отечественные записки», 1860, № 10.

²⁴ А. Н. Пыпин, О русских народных сказках..., «Отечественные записки», 1856, № 4, 5.

²⁵ Эп. С.-Т. Очерк истории русской поэзии г. Милюкова, «Отечественные записки», 1858, № 4; большая статья без подписи, посвященная сборникам Рыбникова, Киреевского, Шейна и Бессонова в «Отечественных записках», 1861, № 6 и 7, и др.

²⁶ Ф. Буслаев, Эпическая поэзия, «Отечественные записки», 1851, № 7, отд. III, стр. 1—44.

²⁷ «Отечественные записки», 1851, № 8, отд. II, стр. 52.

²⁸ Там же, стр. 54.

²⁹ Там же, стр. 53.

только количественного изменения народной поэзии также типично для метафизической по своему методу буржуазной науки.

А. Н. Пыпин в большой работе «О русских народных сказках» (1856), написанной в связи с выходом в свет «Народных русских сказок» Афанасьева, безоговорочно принимает методологию братьев Гримм; с некоторыми оговорками, касающимися частностей и увлечений Афанасьева, Пыпин признает правильным также метод русского мифолога и считает его книгу первым подлинно научным сборником сказок³⁰. Задачу исследователя народной поэзии Пыпин понимает почти так же, как и А. Григорьев: «Исследователю нужно восстановить, сколько можно, первобытную форму сказания, отделив его позднейшие наросты от коренного мотива»³¹. Сказку Пыпин, в полном соответствии с мифологической теорией, рассматривает как обломок древнейшего народного эпоса³². Не только содержание, но и форма сказки, по утверждению Пыпина, «имела свой мифический смысл»³³. В отличие от Буслаева, Пыпин признает качественные изменения в сказках. Однако характерно, что историю сказки Пыпин рассматривает как разрушение ее мифической основы, как регресс содержания и формы. Пыпин явно отрицательно относится к появлению реалистических, сатирических сказок, считая их продуктом распада сказочного эпоса. Он рассматривает появление сатиры не как результат органического развития сказочного творчества, а как привнесение чуждых природе древнейшего народного эпоса литературных влияний³⁴. Пыпин вынужден признать, что сатирические сказки получили большое распространение в народе, и все-таки он продолжает утверждать, будто сказка «неспособна быть сатирой»³⁵. Такой пренебрежительный взгляд на сатирическую сказку и отрицание связи народной поэзии с действительностью, с современностью очень характерны для буржуазно-либеральной науки и объясняются ее страхом перед обличительной силой реалистического народного творчества. Нельзя не заметить, попутно, что Пыпин подходит к подлинным записям народных сказок с аристократическим, эстетским критерием³⁶. Он считает возможным редактирование сказок в научных изданиях и даже устранение «простонародного тона»³⁷. Взгляды Пыпина свидетельствуют о том, что в 1856 г. он разделял основные положения мифологической школы и стоял далеко позади Чернышевского и Добролюбова, с их резко отрицательным отношением к мифологам уже в то время. Молодой Пыпин находился в лагере либерально-буржуазной науки; лишь с конца 50-х годов на короткое время примкнув к революционной демократии, затем, после закрытия «Современника», Пыпин снова вернулся в либеральный лагерь. Это особенно следует подчеркнуть, так как И. М. Колесницкая умалчивает о сложной эволюции Пыпина и допускает ошибку, безоговорочно отождествляя взгляды Пыпина 50—60-х годов со взглядами Чернышевского и Добролюбова³⁸.

Очень важной для определения позиции «Отечественных записок» является рецензия на «Очерк истории русской народной поэзии» Ми-

³⁰ А. Н. Пыпин, *О русских народных сказках*, «Отечественные записки», 1856, № 4, отд. «Критика», стр. 45.

³¹ Там же, стр. 47.

³² Там же, стр. 51.

³³ Там же, стр. 53.

³⁴ Там же, 1856, стр. 54, 56, 65, 67.

³⁵ «Отечественные записки», 1856, № 5, отд. «Критика», стр. 4; см. там же, № 4, стр. 56—59.

³⁶ «Отечественные записки», 1856, № 4, отд. «Критика», стр. 49. Такой аристократический взгляд на живую, бытующую в народе поэзию высказан на страницах «Отечественных записок» не впервые (см. рецензию на сказку Маслоковца «Три клада» в № 2 за 1854 г., отд. IV, стр. 56—61).

³⁷ Там же, стр. 51.

³⁸ «Доклады и сообщения Филологического института ЛГУ», вып. 3, 1951, стр. 77.

люкова, послуживший, как известно, поводом к написанию Добролюбовым статьи «О степени участия народности в развитии русской литературы». Если Добролюбов критиковал Милюкова за либерально-западническое, нигилистическое отношение к народной поэзии, то автор рецензии критикует Милюкова справа, с позиций реакционной мифологической теории. Главной ошибкой Милюкова, по мнению автора рецензии, является то, что он отрицает мифологическую основу русской народной поэзии. Собственное научное суждение автор рецензии формулирует достаточно четко: «Народная поэзия рождается вместе с верованием и отражает в себе важнейшие его видоизменения. Она сама — мифология, верование; только верование в художественной форме»⁴⁰. С прямо противоположной Добролюбову позиции, смыкаясь со славянофилами, «Отечественные записки» положительно оценивают духовные стихи как якобы подлинно народные произведения⁴¹. Как после этого удивляться сотрудничеству в «Отечественных записках» А. Григорьева!

«Отечественные записки» остались верными мифологической школе в 1861 г.; с последовательностью, достойной лучшего применения, орглибералов твердит: «Пора свыкнуться с той мыслью, что мифология присутствует истории»⁴². Даже в Микуле Селяниновиче «Отечественные записки» усматривают «тип мифического пахаря», а его сошку кленовой кую глубокомысленно объявляют «явлением символическим»⁴³.

Таким образом, с течением времени «Отечественные записки» более последовательно развивают идеалистическую, реакционную концепцию народной поэзии, рассматривая ее в полном отрыве от современности, от насущных нужд народной жизни, отвлекая внимание общества от злободневных проблем общественной жизни.

«Отечественные записки» блюдут авторитет корифеев либерально-буржуазной фольклористики, создают легенду о научной непогрешимости Ф. Буслаева. Так, в седьмой книжке за 1854 г. опубликована рецензия Афанасьева на второй выпуск «Архива» Н. Калачова, почти целиком состоящая из восторженных комментариев к «превосходной статье Буслаева» о пословицах и поговорках. Афанасьев и Пыпин дают также высокую оценку опубликованному Буслаевым сборнику пословиц и поговорок⁴⁴. Ниже будет сказано, какой принципиальной критике подвергли эти работы Буслаева Чернышевский и Добролюбов. «Отечественные записки», вопреки правде, стремились доказать, что у Буслаева «наука не стоит отдельно от жизни, а приводится в тесную связь с нею». Одобрив то, что Буслаев является представителем мифологической школы «Отечественные записки» считают, что тем самым Буслаев оказал русскому науке и литературе «неоцененные услуги»⁴⁶, что работы Буслаева — высшее достижение современной науки⁴⁷. Высокая оценка роли Буслаева истории фольклористики из «Отечественных записок» перейдет в «Историю русской этнографии» А. Н. Пыпина, а затем с его легкой руки в многочисленные историографические обзоры.

Преклоняясь перед либерально-буржуазной наукой и усиленно пропагандируя, отказываясь постепенно от критики славянофильства

³⁹ «Отечественные записки», 1858, № 4, отд. «Критика», стр. 64.

⁴⁰ Там же, стр. 64—65.

⁴¹ Там же, стр. 67.

⁴² Статья — рецензия без подписи на сборники Рыбникова, Киреевского, Шей Бессонова, «Отечественные записки», 1861, № 6, стр. 70.

⁴³ Там же, стр. 78.

⁴⁴ «Отечественные записки», 1854, отд. III, № 7, стр. 35; 1856, № 4, отд. «Критика», стр. 41.

⁴⁵ «Отечественные записки», 1859, № 3, Русская лит-ра, стр. 35.

⁴⁶ «Отечественные записки», 1860, № 11, стр. 88.

⁴⁷ «Отечественные записки», 1861, № 6, стр. 65.

капитулируя перед ним⁴⁸, «Отечественные записки» одновременно и всем содержанием своих статей и прямыми полемическими выпадами боролись против революционно-демократической концепции народной поэзии.

«Отечественные записки» с неудовольствием вынуждены были признать, что «большинство как критиков, так и читателей смотрит на народную поэзию глазами Белинского»⁴⁹. Поэтому орган либералов прилагал все усилия к тому, чтобы исказить и дискредитировать взгляды первого революционного демократа на народную поэзию. «Отечественные записки» клеветнически приписывали Белинскому пренебрежительное отношение к народной поэзии, утверждали, будто Белинский не увидел в русской народной поэзии «ничего, кроме грубости и отсутствия гуманных начал»⁵⁰. Считая взгляды славянофилов и демократов «односторонними» и лицемерно называя себя «спокойными зрителями борьбы»⁵¹, «Отечественные записки» по существу смыкались со славянофилами и, сваливая с большой головы на здоровую, демагогически обвиняли революционных демократов 50—60-х годов в «подначальном западничестве»⁵². Используя науку в своих общественно-политических целях, «Отечественные записки» ханжески, устами Буслаева, упрекали «Современник» в спекулятивном отношении к науке, стремились отстоять «самостоятельность» науки в борьбе различных политических партий, доказать, что наука якобы стоит в стороне от партийной борьбы, что ей якобы «нет места между этими вовсе нелитературными стремлениями»⁵³. Принцип «наука для науки» был одной из форм проявления партийности буржуазной науки, служил щитом, за которым скрывались ее реакционные тенденции. Активное участие ученых типа Буслаева в «Отечественных записках» является лучшим опровержением фальшивой «объективности» академической науки и доказывает, что она служила либеральной буржуазии, помогала ей в борьбе против революционной демократии.

Революционные демократы разоблачили политический смысл объективизма в науке. Чернышевский писал: «Реакционеры называют историка беспристрастным тогда, когда он доказывает, что старинный порядок вещей был хорош»⁵⁴. Это не в бровь, а в глаз било по «Отечественным запискам» с их умилением перед мифологами. Чернышевский подчеркивал общественное значение науки, связь науки с общественно-политической борьбой: «Ученые трактаты служат отголоском исторической борьбы, имеют целью задержать или ускорить ход событий»⁵⁵.

Борясь против всей реакционной науки, против славянофилов и либералов-западников, против всех тех, кто имел целью «задержать» неизбежный ход событий, революционные демократы создавали науку, которая имела целью ускорить освобождение народа от гнета крепостничества и самодержавия.

Еще Герцен ратовал за демократизацию науки: «Наука... не может войти живым элементом в стремительный поток практических сфер, пока она в руках касты ученых: одни люди жизни могут внедрить ее

⁴⁸ См., например, К. Бестужев-Рюмин, Славянофильское учение и его судьба, «Отечественные записки», 1862, № 2, стр. 682.

⁴⁹ «Отечественные записки», 1861, № 6, стр. 63.

⁵⁰ «О народной поэзии в древнерусской литературе». Речь Ф. Буслаева. Эп. С.-с., «Отечественные записки», 1860, № 3, Русская лит.-ра, стр. 32—33.

⁵¹ Там же, стр. 33.

⁵² Ф. Буслаев, Ответ г. Пыпину..., «Отечественные записки», 1861, № 4, отд. «Критика», стр. 61.

⁵³ Там же, стр. 85.

⁵⁴ Н. Г. Чернышевский, Чичерин как публицист, «Современник», 1859, № 5; Избранные философские сочинения, т. II, стр. 640. Все ссылки на произведения, опубликованные в «Современнике» и вошедшие затем в собрания сочинений революционных демократов, будут приводиться по наиболее доступным читателю изданиям.

⁵⁵ Н. Г. Чернышевский, Антропологический принцип в философии, «Современник», 1860, № 4; Избранные философские сочинения, т. III, стр. 163.

в жизнь»⁵⁶. Такими «людьми жизни» и были русские революционные демократы. Они «внедряли» науку в жизнь, ставили ее на службу прогрессу и интересам народных масс. Чернышевский имел полное основание сказать о себе и о своих боевых соратниках: «Те передовые люди, деятельностью которых развивается наука, ведут ее к тому, чтобы приобщить к результатам ее жизнь всего народа»⁵⁷.

«Современник» стал высокой кафедрой, с которой по всей стране распространялись передовые научные идеи и звучал грозный обвинительный приговор против буржуазно-дворянской науки. Аудиторией революционных демократов была вся передовая молодежь России, передовые люди разных поколений, разных профессий, разных степеней образования. Это была поистине народная высшая школа в России 50—60-х годов.

«Современник» выступал с резкой, принципиальной критикой господствующих направлений и отдельных представителей академической этнографии и фольклористики, главный удар направляя против «Отечественных записок» и Буслаева. Чернышевский указывал в «Полемических красотах», что «излагаемые г. Буслаевым понятия о народности служат одним из оснований, на которых зиждется критика «Отечественных записок»⁵⁸.

Уже в 1854 г., в рецензии на «Архив» Н. Калачева, в ответ на хвалебную рецензию Афанасьева в «Отечественных записках», Чернышевский писал: «Санскритские сравнения завлекли г. Буслаева слишком далеко. В наших пословицах он хочет видеть остатки древнейшей санскритской мантры... И мы не знаем, принесла ли какую-нибудь пользу эта отдаленная родословная, приисканная ученым автором; нам кажется, что он только набросила фальшивый свет на наши пословицы, придав им какой-то мифологический характер, который им совершенно чужд»⁵⁹.

Позже «Современник» отмечает у Буслаева еще «больше пристрастие к старине»⁶⁰. В январском номере «Современника» за 1861 г. помещается обширный разбор труда Буслаева «Исторические очерки русской народной словесности и искусства», принадлежащий перу А. Пыпина. Несмотря на то, что критика Буслаева была несколько смягчена Пыпиным (у него, по критическому замечанию Чернышевского, проявилась «слабость специалиста к специалисту»⁶¹), статья в основном хорошо выразила отрицательное отношение к Буслаеву революционной демократии. В № 1 «Свистка», приложенном к этому же номеру «Современника», содержится сатирический выпад Чернышевского против Буслаева, возмущивший ученого-мифолога. Но особенно глубокая и принципиальная критика ложных принципов научной деятельности Буслаева содержится в «Полемических красотах». Чернышевский, обличая идеализм в науке и полемизируя с «Отечественными записками», критиковал Буслаева за его оторванность от жизни, за следование реакционному принципу «наука для науки» и указывал на «староверство» Буслаева, на его «пристрастие к отжившему и нелепому» как на основную причину порочной методологии его работ. Чернышевский указывал на ошибочность направления научной деятельности русского мифолога, осудил несамостоятельный, подражательный по отношению к западноевропейской буржу-

⁵⁶ А. И. Герцен, Полное собрание сочинений под ред. Лемке, т. III, стр. 194.

⁵⁷ Н. Г. Чернышевский, Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований, «Современник», 1860, № 6; Избранные философские сочинения, т. III, стр. 260.

⁵⁸ Н. Г. Чернышевский, Полемические красоты, «Современник», 1861, № 6; Избранные философские сочинения, т. III, стр. 398.

⁵⁹ Н. Г. Чернышевский, Рецензия на «Архив Калачова», «Современник», 1854, № 4; Полное собрание сочинений, т. II, стр. 379.

⁶⁰ Рецензия на «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» г. Буслаева (без подписи), «Современник», 1860, № 12, стр. 264.

⁶¹ Н. Г. Чернышевский, Полемические красоты, «Современник», 1861, № 7; Избранные философские сочинения, т. III, стр. 397.

азной науке характер этой деятельности и дал ей общую отрицательную оценку⁶².

В следующие годы «Современник» не раз возвращается к оценке деятельности Буслаева, отмечая его дальнейшую эволюцию вправо: у Буслаева «все накидное и притворное», т. е. либеральные фразы, «уступает, наконец, место коренному убеждению», т. е. консерватизму, преклонению перед византийским благочестием⁶³. Вскоре, разоблачая неловкие попытки «Отечественных записок» противопоставить Буслаева славянофилам (см., например, рецензию на речь Буслаева «О народной поэзии в древнерусской литературе» в «Отечественных записках» за 1859 г., № 3), «Современник» отмечает сближение Буслаева с представителями официальной народности и реакционными славянофилами 50—60-х годов: «Г. Буслаев в своих последних произведениях заходит едва ли не туда же, куда гг. Шевырев и Бессонов»⁶⁴. Все это свидетельствует о том, что «Современник» придавал большое значение борьбе против Буслаева и, по мере обострения общественно-политической борьбы в России и усиления размежевания демократической и либеральной тенденций в этой борьбе, усиливал критику Буслаева как виднейшего представителя либеральной науки, убедительно вскрывая усугубление методологической порочности трудов Буслаева в области искусства.

Большое принципиальное значение имела также рецензия Добролюбова на «Народные русские сказки» Афанасьева, резко отличающаяся от известной уже статьи Пыпина в «Отечественных записках» и от статьи Буслаева, опубликованной в журнале «Русский вестник» № 2 за 1856 г. Эта рецензия наносила удар по всей академической науке (а не только по Афанасьеву), для которой было характерно «совершенное отсутствие жизненного начала»⁶⁵. Рецензия была направлена против «высоко ученых мужей», служителей «чистого искусства», против либерально-буржуазного эстетского, «гастрономического» направления в науке, с его пренебрежительным отношением к народной поэзии⁶⁶. Афанасьев Добролюбов критиковал за то, что тот во многом следовал порочной методологии буржуазных фольклористов, не изучал народную поэзию в связи с насущными нуждами народа. Известно, что резкий отзыв Добролюбова на первые выпуски «Народных русских сказок» благоприятно повлиял на Афанасьева — он помог составителю отойти от объективистской позиции по отношению к народной поэзии и обратиться к сатирическим народным сказкам, которые явились прекрасным «материалом для характеристики народа», как этого требовал Добролюбов, и которые были изданы Герценом в его Вольной типографии.

Программа собирательской деятельности, сформулированная в рецензии Добролюбова и неоднократно комментировавшаяся в работах о Добролюбове, была направлена против схоластических, фальсификаторских требований, излагавшихся славянофилами и «Отечественными записками».

«Современник» проявлял большую принципиальность и в оценках работ фольклористов, принадлежавших к демократическому лагерю, но иногда увлекавшихся мифологической теорией. «Современник», например, указывал Худякову на его ошибочные попытки отыскивать «мифический смысл» в русских загадках; отмечая, в частности, несостоятельность ми-

⁶² См. Н. Г. Чернышевский, Избранные философские сочинения, т. III, стр. 388—392.

⁶³ «Наши новые благодетели». «Современник», 1863, № 6, стр. 280.

⁶⁴ Рецензия на «Историю русской словесности древней и новой» Галахова, «Современник», 1863, № 7, стр. 2—3.

⁶⁵ Н. А. Добролюбов, Рецензия на «Народные русские сказки», «Современник», 1858, № 9; Собрание сочинений, под ред. Лебедева-Полянского, т. I, стр. 431.

⁶⁶ Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений, т. I, стр. 430. Подробнее см. в нашей статье «Добролюбов и проблемы фольклористики», «Советская этнография», 1950, № 4, стр. 191—193.

фологического истолкования загадки «Сивый жеребец на все царство жрет» (гром), «Современник» иронически советовал: «Пусть г. Худяков предоставит заботиться об этом жеребце г. Буслаеву»⁶⁷.

Так «Современник» воспитывал своих читателей и некоторых ученых в духе непримиримого отношения к мифологической теории.

«Современник» разоблачал также антинаучный характер славянофильских взглядов на народную поэзию. Славянофилы и мифологи вели между собой споры, но эти споры не могли быть принципиальными, тем как они не затрагивали основного исходного положения, общего для тех и других, — признания обусловленности народной поэзии религией. Концепция славянофилов, подменявшая языческую религию христианской была не менее, если не более, реакционной.

«Современник» подвергает резкой критике Бессонова, в частности его сборник «Калики переходяет». Взгляды Бессонова на народную поэзию представляют собой «полное развитие» славянофильской концепции народной поэзии, высказанной ранее К. Хомяковым, К. Аксаковым и братьями Киреевскими⁶⁸. Критикуя мифологов, подчеркивает «Современник» Бессонов проповедует не менее ложные взгляды. Реакционный смысл теории Бессонова заключается в том, что «она вводит в историю народа совершенно ненужный и фальшивый мистицизм», стремится находить в народной поэзии «отвлечение христианства»⁶⁹. «Современник» характеризует взгляды Бессонова как «апокалиптические». «Современник» указывает на сходство славянофильской теории с теорией немецкого реакционно-романтизма и тем самым устанавливает, что принципиальных различий между славянофилами и мифологами нет. Для тех и других в одинаковой мере характерно «пренебрежение к требованиям современности»⁷⁰. По тем же углом зрения «Современник» оценивает и «Картины из русского быта» и «Пословицы русского народа» Даля, упрекая этнографа-собрателя за поверхностный и псевдонародный характер его этнографических очерков и за пренебрежение подлинно научными принципами в бирательной деятельности⁷¹.

В 1860 г. «Современник» критиковал уже тогда входившее в моду в буржуазной науке стремление отыскивать во что бы то ни стало сходство между произведениями народной поэзии, принадлежавшими разным народам, и ратовал за изучение самобытного содержания и своеобразия народной поэзии у разных народов: «Сравнения с легендами других народов, конечно, интересны, но мы так к ним привыкли, что жалели бы, наконец, другого, — например, чтобы нам показали различия легенд по разным народностям»⁷². Дальнейшее разоблачение теории заимствования сюжетов выпадет уже на долю «Отечественных записок» Некрасова и Салтыкова-Щедрина.

Не видя принципиальной разницы между различными направлениями дворянской и буржуазной фольклористики, «Современник» в ряде выступлений разоблачал общие пороки всей враждебной ему фольклористики, не связывая эту критику с какими-то определенными именами. Это особенно заметно в статьях «Современника», посвященных состоянию этнографии в России. Прежде всего здесь обличаются эмпиризм и позитивизм, свойственные буржуазной фольклористике: «Наша этнография

⁶⁷ Рецензия на «Этнографический сборник», «Современник», 1864, № 10, стр. 196—197.

⁶⁸ См. рецензию на сборники Киреевского, Бессонова, Рыбникова, «Современник», 1861, № 5, стр. 362.

⁶⁹ Там же, стр. 365—366.

⁷⁰ Рецензия на «Историю русской словесности...» Галахова, «Современник», 1861, № 7, стр. 3.

⁷¹ «Современник», 1861, № 4, стр. 436; № 5, стр. 346.

⁷² А. Пыпин, «Русские народные легенды» г. Афанасьева, «Современник», 1861, № 1, стр. 98. Любопытно, что эти слова, выражавшие мнение редакции «Современника» сказаны автором «Очерка литературной истории старинных повестей и сказок русского народа» первым компаративистским исследованием в русской науке.

находится в довольно странном положении... В самом собирании материалов до сих пор у большинства собирателей и наблюдателей господствует старая рутина... Собиратели записывают песни и сказки, описывают обычаи и поверья, какие попадают под глаза, собирают какие-нибудь особенные слова и т. п., и все это без всякой связи, без всякой мысли, которая придавала бы определенный смысл этим подробностям»⁷³. В своей характеристике «Современник» исходил не из деятельности того или иного ученого, а имел в виду типичное для всей официальной науки состояние. Вот почему «Современник» дает нелестную оценку и деятельности Географического общества в целом, которая «не выходит за пределы обыкновенной рутины»⁷⁴.

Следствием рутинерства и позитивизма буржуазных этнографов является, по мысли «Современника», поверхностный, ненаучный характер их наблюдений и выводов — они неспособны постичь закономерности в развитии народного быта и народной поэзии, неспособны раскрыть «внутреннее содержание» фактов и подробностей⁷⁵.

Но особенно сурово «Современник» оценивает основной методологический принцип академической этнографии — ее отрыв от жизни и современности и уход в «археологию», в древние, доисторические времена (мифологи) или в эпоху раннего христианства (славянофилы). «Современник» показывает несостоятельность взгляда на современный народный быт и на народную поэзию, как на своеобразный «музей древностей»⁷⁶. «Современник» вскрывает реакционный, верноподданнический характер «археологического» направления в этнографии, определяя позицию ученых, убогающих от современности, как «затхлую благонамеренность». «Современник» с презрением отзываясь о реакционных ученых и журналистах, которые не умеют «рассуждать об этнографии без хвастливого патриотизма или нелепого идеальничанья»⁷⁷. Так «Современник» устанавливал общественно-политический характер академической этнографии как науки, служащей интересам самодержавно-крепостнического строя.

Таким образом, «Современник» вел последовательную борьбу против всей академической фольклористики, причем эта критика принципиально отличалась от критики, которая исходила от представителей полемизирующих между собой направлений дворянской и буржуазной фольклористики. Борясь за освобождение народа, революционно-демократическая критика требовала обращения науки к современности, к изучению быта и культуры народных масс, угнетенных самодержавием и поднимающихся на борьбу против этого гнета, обращения науки к изучению своеобразия культуры, в том числе и народной поэзии, каждого народа.

Общие принципы революционной демократии в области этнографии особенно отчетливо сформулированы в программных статьях «Современника»: «Этнографический сборник географического общества, выпуск IV» (1864, № 10) и «Как понимать этнографию» (1865, № 2)⁷⁸. «Современник» считает, что задачей этнографии является «изучение бытовых особенностей народа», причем в область этнографии входит прежде всего «современная, общественная и экономическая действительность..., нынеш-

⁷³ «Как понимать этнографию», «Современник», 1865, № 2, стр. 180.

⁷⁴ «Этнографический сборник Географического общества, выпуск IV», «Современник», 1864, № 10, стр. 193. Следует оговорить, что «Современник» не отрицал заслуг отдельных членов и некоторых предприятий Географического общества.

⁷⁵ См. «Современник», 1865, № 2, стр. 180.

⁷⁶ Там же, стр. 182.

⁷⁷ Там же, стр. 176.

⁷⁸ И. М. Колесницкая установила, что обе статьи написаны Пыпиным. Однако значение их состоит в том, что они выражают мнение редакции «Современника», — это подчеркивается отсутствием подписи под ними.

нее содержание народного образа мыслей, то, что ждет своего развития в будущих успехах цивилизации...»⁷⁹. Такой подход к изучению народного быта, культуры и искусства был продиктован революционными стремлениями, что особенно ясно видно в последних, подчеркнутых нами, словах. Выдвигая на первый план требования изучения современного быта и живой народной поэзии в развитии, «Современник» указывал на необходимость всесторонней и критического изучения всей «обширной области» этнографии: «Этнографическое изучение может (и должно) обнимать и объяснять по возможности все стороны народного быта и представлений, и... такое изучение вовсе не обязывает быть голословным и оптовым панегириком»⁸⁰. «Современник» настойчиво проводит мысль, что этнографическое изучение современности не может быть самоцелью, а что оно призвано помочь в практической деятельности, в решении злободневных вопросов, выдвинутых самой жизнью: «Надлежащее изучение народной жизни в состоянии дать множество указаний, имеющих непосредственную важность для современных практических приложений»⁸¹. По-революционному звучит и требование «Современника» «уловить» «народный взгляд на вещи» «во всех его разнообразных вариациях»⁸².

Все эти требования и выполняла «новейшая этнография» — статьи, очерки, материалы по вопросам народного быта и народной поэзии, опубликованные на страницах революционно-демократической периодики и прежде всего в «Современнике». Это была этнография «не ученых цитат и ссылок на индейскую мифологию г. Буслаева, а этнография живых сцен и живых обычаев»⁸³.

Изучение народа велось революционными демократами широко: их интересовал и исторический опыт крестьянских масс, и быт, и нравственность, и народная психология. Отсюда и широкий круг вопросов, поднимаемых «Современником» в связи с изучением народной поэзии: поведение народных масс в эпохи больших исторических испытаний, в эпоху освободительной борьбы народов; современное положение народных масс, изменения в их сознании и противоречия в их мировоззрении; вредное влияние крепостничества и господствующей идеологии, в особенности христианской религии, на народ; отношение народа к власти, церкви, суду и пр.

На страницах «Современника» народная поэзия использовалась прежде всего для доказательства колоссальных творческих сил народных масс, их активного участия в общественной жизни, для доказательства важной роли народа в истории. Чернышевский в рецензии на «Песни разных народов» писал, что народная поэзия является отражением «качеств народа, которому она принадлежит»⁸⁴. Какие же замечательные, типичные черты народной поэзии отмечал Чернышевский? Он показал, что народная поэзия «полна жизни, энергии, простоты, искренности, дышит нравственным здоровьем»⁸⁵. Добролюбов, развивая мысль Чернышевского, справедливо находил в народной поэзии «много доказательств того, что в народе нашем издревле хранилось много сил для дея-

⁷⁹ «Современник», 1864, № 10, «Русская литература», стр. 192.

⁸⁰ «Современник», 1865, № 2, стр. 173.

⁸¹ Там же, стр. 181.

⁸² Там же. Изучение народной поэзии, по мнению «Современника», должно вестись в связи со всей «живой действительностью». «Современник» ратовал за «этнографический» принцип изучения народной поэзии.

⁸³ Там же, стр. 179. В данной статье мы рассматриваем только вопрос о народной поэзии, так как решение других вопросов этнографии в «Современнике» заслуживает специального исследования. Освещение вопросов народной поэзии будет дано по проблемам с целью обобщения материалов «Современника».

⁸⁴ Н. Г. Чернышевский, Рецензия на «Песни разных народов», «Современник», 1854, № 11; Полное собрание сочинений, т. II, стр. 297.

⁸⁵ Там же, стр. 297—298.

тельности обширной и полезной, много было задатков самобытного, живого развития»⁸⁶.

Революционных демократов особенно привлекало в народной поэзии выражение скрытых революционных возможностей народных масс, их вольнолюбивых настроений. Это особенно ярко проявилось в работах Герцена 50—60-х годов, опубликованных в его «вольной прессе». В «Современнике» это не могло быть высказано столь отчетливо по цензурным условиям. Однако и здесь, как и всегда, революционные демократы умели пронести сквозь рогатки царской цензуры идеи крестьянской революции. Добролюбов намекал на революционное содержание народной поэзии в рецензии на «Кобзаря» Шевченко, объясняя, в частности, народность Шевченко, отразившего свободололюбивые настроения крестьянства, тем, что он «близок» к народной поэзии, которая «охватывает весь круг жизненных насущных интересов»⁸⁷. Ясно, какой смысл вкладывал Добролюбов в это определение содержания народной поэзии. Салтыков-Щедрин, продолжая в «Современнике» традиции Чернышевского и Добролюбова, в статье-рецензии на «Повести» Кохановской давал своеобразный революционный комментарий к образу народного песельника Черного — героя повести «После обеда в гостях», видя в нем и его песнях скрытую революционную энергию народа⁸⁸. Показательно также особое внимание революционных демократов к так называемым «разбойничьим песням». Особенно высоко «Современник» оценивает песни о вожде крестьянской войны XVII в. — Степане Разине: «Лучшие песни, которые создал народ в это время, относятся к Степану Разину — из всего московского периода это едва ли не самое живое лицо»⁸⁹. Таким образом, народная поэзия являлась для революционных демократов одним из источников революционной веры в народ.

Считая народ носителем истинных и глубоких патриотических чувств, революционные демократы в народной поэзии ценили отражение активного патриотизма народных масс, их самоотверженной борьбы за независимость и свободу родины. Поэтому Чернышевский выделяет песни народов эпохи национально-освободительных войн⁹⁰. Добролюбов подчеркивает патриотический характер русского героического эпоса «татарской эпохи»⁹¹.

Высоко оценивая отражение в народной поэзии замечательных качеств народа и прежде всего патриотизма и свободолобия, творческих сил и энергии, революционные демократы одновременно критически относились к проявлению в народной поэзии отрицательных черт, свойственных народным массам крепостнической России, — отсталости, неразвитости, ложных предрассудков, религиозности. Так, в статье о Кольцове Добролюбов отмечает те элементы народной поэзии, которые отражали неопределенность классового сознания забитого и угнетенного русского крестьянства, критикует неясность выраженных в народной поэзии стремлений народа: «Во всем видно желание чего-то, стремление к какой-то лучшей доле, — какой-то порыв, но порыв неопределенный... Много в этих песнях чувства, но... мало разумности, потому что стремления большей частью бессознательны»⁹².

⁸⁶ Н. А. Добролюбов, О степени участия народности в развитии русской литературы, «Современник», 1858, № 2; Полное собрание сочинений, т. I, стр. 215.

⁸⁷ Н. А. Добролюбов, Рецензия на «Кобзаря» Шевченко, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 262; «Современник», 1860, № 3.

⁸⁸ Салтыков-Щедрин, Рецензия на «Повести» Кохановской, т. 5, стр. 322; «Современник», 1863, № 9.

⁸⁹ «По поводу исследований г. Буслаева о русской старине» А. Н. Пыпина, «Современник», 1861, № 1, стр. 31.

⁹⁰ Н. Г. Чернышевский, Рецензия на «Песни разных народов», «Современник», 1854, № 11; Полное собрание сочинений, т. II, стр. 295.

⁹¹ Н. А. Добролюбов, О степени участия народности..., «Современник», 1858, № 2; Полное собрание сочинений, т. I, стр. 216.

⁹² Н. А. Добролюбов, А. В. Кольцов, Полное собрание сочинений, т. I, стр. 124.

Еще более глубоко Добролюбов вскрыл противоречивый характер народной поэзии и исторические корни ее отрицательных свойств в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы». В этой статье Добролюбов, как известно, давал бой одновременно и реакционной теории славянофилов с ее фальшивой идеализацией консервативных сторон народной жизни, и либералам с их барски-пренебрежительным отношением к народной поэзии, видевшим в народной поэзии «безобразное состояние нашей народности»⁹³. Добролюбов показал, что христианская церковь через книжную литературу пыталась воздействовать на народную поэзию, внести в нее ложные идеи. Так, Добролюбов вскрыл антинародную, реакционную сущность церковной идеологии. Искусственно навязанные, чуждые народу идеи не могли не оказать отрицательного воздействия на характер народной поэзии, но Добролюбов доказывал, что основным в народной поэзии является выражение «жизненных насущных интересов», а реакционная идеология органически не присуща народным массам, она является «наростом», результатом «обстоятельств, пришедших извне», т. е. крепостнического гнета и влияния господствующих классов и церкви⁹⁴. Добролюбов, в противоположность «Отечественным запискам», резко оценивает духовные стихи, считая их чуждыми народу по происхождению, по духу, по форме⁹⁵. Такой взгляд мы встречаем и в других статьях «Современника». В рецензии на «Памятники старинной русской литературы» Н. Костомарова дается четкое противопоставление духовных стихов и легенд народной поэзии: «Легенда с самого начала... явилась поддержкой церковной литературы... Старинное духовенство... стремилось искоренить народную поэзию... Эту поэзию должна была заменить новая поэзия легенды»⁹⁶. О том же писал и Пыпин, отражая мнение революционной демократии: «Народность новой двоеверной поэзии была только относительной — и это очень естественно, потому что, хотя в нее и входили иногда народные мотивы, в сущности она всегда была произведением церковников и монахов, отражала в себе их понятия и их идеалы, а следовательно не могла иметь популярности свободных произведений самого народа»⁹⁷. «Современник» называет духовные стихи «суррогатом истинной русской народности» и подчеркивает ошибочность отнесения духовных стихов к народной поэзии⁹⁸. Следует оговорить, что хотя «Современник» и высказывает неизменно отрицательное отношение к духовным стихам и легендам, однако в некоторых статьях «Современника», особенно в рецензии Пыпина на «Русские народные легенды» Афанасьева, духовные стихи все же относятся к «области народной поэзии»⁹⁹ и признается большое влияние легенды на народную жизнь¹⁰⁰. Редакции «Современника» не удалось добиться проведения до конца последовательного взгляда на духовные стихи, однако совершенно очевидна принципиальная направленность выступлений «Современника» против религиозных мотивов и жанров в народной поэзии.

⁹³ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. I, стр. 215 и ниже (см. подробно в указанных выше работах А. Скафтымова и М. Азадовского).

⁹⁴ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. I, стр. 215—221; «Современник», 1858, № 11.

⁹⁵ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. I, стр. 219.

⁹⁶ «Современник», 1860, № 11, стр. 58.

⁹⁷ А. Н. Пыпин, По поводу исследований г. Буслаева..., «Современник», 1861, № 1, стр. 25.

⁹⁸ Рецензия на «Историю русской словесности... Галахова, «Современник», 1863, № 7, стр. 17.

⁹⁹ А. Н. Пыпин, «Русские народные легенды г. Афанасьева», «Современник», 1860, № 1, стр. 80.

¹⁰⁰ Рецензия на «Памятники русской литературы» Н. Костомарова, «Современник», 1860, № 11, стр. 58—59.

Борясь против нивелирующих принципов буржуазной науки, революционные демократы доказывали самобытный характер русской народной поэзии. Опираясь на материалистическую эстетику, они прежде всего подчеркивали реализм произведений народной поэзии, отражение в народной поэзии обыденной жизни трудящегося человека. Добролюбов писал: «В них верно и без всяких прикрас отражается грубый быт простолюдина»¹⁰¹. Вслед за Белинским и Герценом Добролюбов отмечал своеобразный характер русской народной поэзии, объясняя его тяжелыми условиями жизни крепостного крестьянства¹⁰². Чернышевский в рецензии на «Песни разных народов» подчеркивал важное значение и прекрасные достоинства народной поэзии у всех народов и ратовал за изучение своеобразия народной поэзии каждого народа.

Революционные демократы придавали большое эстетическое значение народной поэзии, обращали внимание на образцовое выражение в ней единства содержания и формы, отмечали своеобразие формы народных произведений. Чернышевский писал: «Каково ее (народной поэзии.— В. Г.) содержание, такова и форма ее: проста, безискусственна, энергична»¹⁰³.

Если буржуазная фольклористика почти исключительно занималась проблемой происхождения народной поэзии, то в богатой проблематике революционно-демократической науки этот вопрос занимал сравнительно скромное место. Революционные демократы 50—60-х годов отрицательно относились к теории религиозного происхождения народной поэзии и связывали возникновение народной поэзии с условиями жизни человека «патриархального», т. е. доклассового общества, когда «вся масса народа составляет однообразное целое, в котором каждый член общества совершенно подобен другим»¹⁰⁴. Чернышевский подчеркивал связь народной поэзии уже на самых ранних стадиях ее существования с жизнью народа, обусловленность народной поэзии состоянием материальной и духовной жизни в доклассовом обществе¹⁰⁵. Добролюбов также указывал на то, что народная поэзия при своем возникновении отражает «патриархальные отношения», «выражает действительно общенародные интересы и воззрения на жизнь»¹⁰⁶.

Историю народной поэзии революционные демократы стремились связать с историей общества, с историей народа. Они различают, хотя и с недостаточной четкостью, народную поэзию первобытно-общинного строя и народную поэзию классового общества. «Народная поэзия,— писал Добролюбов,— должна была изменить свой характер сообразно с новым устройством жизненных отношений»¹⁰⁷. Развитие и расцвет народной поэзии революционные демократы объясняли важнейшими событиями в жизни народа. Чернышевский подчеркивал: «Только там являлась богатая народная поэзия, где масса народа... волновалась сильными и благородными чувствами, где совершались силою народа великие события»¹⁰⁸. Однако следует помнить, что, оставаясь в основном идеалистами во взглядах на историю общества, революционные демократы не смогли дать цельной, строго научной концепции истории народной поэзии, они ошибочно полагали, что с развитием классового общества народная поэ-

¹⁰¹ Н. А. Добролюбов, А. В. Кольцов, Полное собрание сочинений, т. I, стр. 124.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Н. Г. Чернышевский, Рецензия на «Песни разных народов», «Современник», 1854, № 11; Полное собрание сочинений, т. II, стр. 298.

¹⁰⁴ Н. Г. Чернышевский, Рецензия на «Песни разных народов», Полное собрание сочинений, т. II, стр. 296.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Н. А. Добролюбов, О степени участия народности..., «Современник», 1858, № 2; Полное собрание сочинений, т. I, стр. 214.

¹⁰⁷ Там же, стр. 215.

¹⁰⁸ Н. Г. Чернышевский, Рецензия на «Песни разных народов», Полное собрание сочинений, т. II, стр. 295.

зия постепенно отмирает¹⁰⁹. Этот ошибочный взгляд проводился в ряде других статей, опубликованных в «Современнике»¹¹⁰. Хотя в этих утверждениях «Современника» содержался определенный политический подтекст, — они использовались для доказательства неблагоприятного влияния крепостнических отношений на народ и его культуру, однако сами по себе эти положения не могут быть признаны верными, научными. Революционные демократы не учли сложного диалектического процесса развития народной поэзии, не придали должного значения появлению в народной поэзии позднейших эпох жанров и произведений, отразивших обострение классовых противоречий и рост классового сознания народных масс. Ошибкой революционных демократов было также и то, что они односторонне представляли народную поэзию эпохи капитализма не только крестьянскую, не обратили внимания на развивавшуюся в России XVIII—XIX вв. рабочую народную поэзию.

Большое внимание «Современник» уделял народной поэзии в связи с проблемой народности литературы. Революционные демократы, рассматривая народную поэзию как первую ступень в развитии искусства слова, как предшественницу литературы, с огорчением отмечали разрыв между народной поэзией и литературой в классовом обществе. Чернышевский подчеркивал, что до последнего времени народная поэзия «остается единственной поэзией массы народонаселения»¹¹¹. Добролюбов доказывал, что литература в классовом обществе долгое время является выражением интересов господствующих классов или борющихся за господство прогрессивных классов, оставаясь недоступной народу, зачастую и чуждой ему, в то время как народная поэзия «долго держалась своей естественного простого характера, выражая сочувствие к обыденным страданиям и радостям»¹¹². Резкое противопоставление народной поэзии и литературы применительно к средним векам встречаем и у Пыпина «Народная поэзия и церковная письменность существовали тогда рядом как противоположные явления, они исключали друг друга»¹¹³. Такое одностороннее представление о древней русской литературе является конечно, ошибочным, но принципиальное значение имела верная мысль революционных демократов о разрыве литературы господствующих классов с народной поэзией, о том, что подлинно народным искусством в средние века была прежде всего народная поэзия.

Одним из условий народности литературы революционные демократы считали органическое усвоение писателем подлинной народной поэзии, глубокое и правильное ее понимание. При этом революционные демократы решающее значение придавали глубокому изучению писателем народной жизни и выражению в его творчестве интересов народа. Образцом критики неправильного отношения писателя к народной поэзии является рецензия Чернышевского на комедию Островского «Бедность не порок». Народную поэзию молодой драматург использовал в этой ошибочной по идейной направленности комедии для ложной идеализации купечества, для того, чтобы «выставить на вид все поэтические черты» купеческого быта. Это вызывает решительный протест со стороны Чернышевского, так как такое использование народной поэзии не только не вело к народности, но способствовало «приторному приукрашиванию того, что не

¹⁰⁹ См. там же, стр. 297; также Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений т. I, стр. 221.

¹¹⁰ См. «Современник», 1860, № 11, стр. 58; 1860, № 12, стр. 264; 1861, № 1 стр. 17—18.

¹¹¹ Н. Г. Чернышевский, Рецензия на «Песни разных народов», Полное собрание сочинений, т. II, стр. 308.

¹¹² Н. А. Добролюбов, О степени участия народности..., Полное собрание сочинений, т. I, стр. 215.

¹¹³ А. Н. Пыпин, По поводу исследований г. Буслаева..., «Современник», 1861 № 1, стр. 4.

может и не должно быть приукрашиваемо»¹¹⁴, т. е. делало произведение идейно-порочным. Чрезмерное употребление произведений народной поэзии, подсказанное драматургу ложной идеей, нарушало цельность и стройность драматургического произведения, не способствовало, а вредило художественности¹¹⁵. Известно, что эта глубокая, принципиальная критика помогла Островскому отказаться от своих заблуждений, временно усвоенных в кружке славянофилов, и по-иному использовать народную поэзию в своем творчестве. Резкой критике подверг Добролюбов неудачные попытки дворянских поэтов подражать народной поэзии — они не способны были органически усвоить ее, так как «чувства, выражаемые в их песнях, принадлежат не простым людям»¹¹⁶. Правильное, органическое усвоение народной поэзии, способствовавшее проявлению народности творчества, революционные демократы видели у Кольцова и особенно у Шевченко, творчество которых высоко оценивается на страницах «Современника»¹¹⁷. Вместе с тем Добролюбов указывал, что ограниченность мировоззрения Кольцова, при всем знании им народной жизни и органической близости к народной поэзии, привела к некоторой ограниченности его творчества¹¹⁸. Таким образом, революционные демократы установили, что не книжное знакомство с народной поэзией, не усвоение ее форм и не сам по себе факт использования ее, а близость к народу, знание всех нужд народа, передовое мировоззрение и органическое усвоение народной поэзии являются залогом подлинной народности писателя.

Итак, сопоставляя революционно-демократическую концепцию народной поэзии, развивавшуюся на страницах «Современника» 50—60-х годов, с концепциями буржуазной науки, выраженными в органах славянофилов и либералов, можно прийти к следующим выводам.

Идеалистическому взгляду на народную поэзию как на выражение религиозных верований народа «Современник» противопоставил материалистическое понимание народной поэзии как специфической формы отражения действительности и, прежде всего, жизни трудящихся масс.

Реакционно-романтическому интересу буржуазных ученых к далекой мифической старине или эпохе раннего христианства и антинаучным попыткам искать в современной народной поэзии якобы законсервированные навсегда понятия глубокой старины или странствующие от эпохи к эпохе, от народа к народу сюжеты и образы «Современник» противопоставил конкретно-исторический подход к народной поэзии, принцип объяснения народной поэзии специфическими условиями жизни данного народа, понимание народной поэзии как развивающегося искусства и внимание к современному состоянию народной поэзии, к отражению в народной поэзии современного положения и сознания народа.

Расплывчатому, националистическому пониманию народной поэзии классового общества как искусства всей нации «Современник» противопоставил взгляд на народную поэзию как на «простонародную поэзию», как на искусство «массы человечества», «простолюдинов», т. е. угнетенных трудящихся масс в классовом обществе.

Реакционной идеализации народа и народной поэзии мифологами и славянофилами и эстетски-пренебрежительному взгляду либералов на народную поэзию как на «безобразное» искусство «Современник» противопоставил свои всесторонние, объективные оценки, вскрыл сложную.

¹¹⁴ Н. Г. Чернышевский, «Бедность не порок» А. Островского, «Современник», 1854, № 5; Полное собрание сочинений, т. II, стр. 239—240.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Н. А. Добролюбов, А. В. Кольцов, Полное собрание сочинений т. I, стр. 126.

¹¹⁷ См., например, Н. Г. Чернышевский, Очерки соголевского периода... «Современник», 1855, № 12; 1856, № 1, 4, 7; Н. А. Добролюбов, «Кобзарь» Тараса Шевченко «Современник», 1860, № 3.

¹¹⁸ Н. А. Добролюбов, О степени участия народности... Полное собрание сочинений, т. I, стр. 237.

противоречивую природу народной поэзии, видя причину такого характера народной поэзии в противоречивых условиях народной жизни. «Современник» высоко оценил действительно положительные качества народной поэзии и вместе с тем воспитывал критическое отношение к ее отчужденным сторонам.

Схоластическим принципам буржуазной фольклористики, изучавшей народную поэзию в отрыве от жизни и нужд народных масс, «Современник» противопоставил требование собирания и изучения народной поэзии в связи со «всею живою действительностью», с современностью.

Несмотря на наличие отдельных ошибок, объясняющихся в основном идеалистическим пониманием истории общества, революционные деятели превзошли буржуазную науку и создали первую русскую национальную школу в домарксовской фольклористике.

«Современник», самый популярный журнал эпохи 50—60-х годов, пропагандируя на своих страницах взгляды революционной демократии на народную поэзию, сыграл выдающуюся роль в разоблачении господствующих направлений в русской дворянской и буржуазной фольклористике, а также в распространении среди широких кругов передовой интеллигенции правильных взглядов на народную жизнь и народную поэзию. Некоторые частные замечания «Современника» в адрес отдельных ученых (например, Буслаева) были ошибочными, но в целом критика этих ученых, как и всей официальной этнографии, была правильной и принципиальной.

Борьба «Современника» за научное изучение народной жизни и народной поэзии была важнейшей составной частью борьбы революционной демократии против крепостничества и его пережитков, против враждебных народу общественно-политических направлений.
